

**«СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ»:
О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕСНИ В ЖИЗНИ
МОСКОВСКИХ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ**

Куцаева Марина Васильевна

канд. филол. наук, научный сотрудник
Института языкознания Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>
e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

***Аннотация:** настоящая работа посвящена исследованию роли и функций песни на этническом языке в жизни представителей внутренней диаспоры. Статья основана на результатах социолингвистических обследований, проведенных автором в чувашской и марийской диаспорах московского региона в 2014–2017 гг. и 2019–2021 гг. соответственно. В ходе работы применялся комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Один из блоков социолингвистической анкеты касался бытования языка в этнической культуре и проблемы поддержания культуры в контексте витальности этнического языка. Этническая культура наряду с языком выступает одним из ключевых маркеров этнической идентичности в обеих выборках. Песня на этническом языке занимает значительное место в жизни респондентов. В результате обследования установлены функции этнической песни во внутренней диаспоре: она служит задачам адаптации представителей диаспоры к новым условиям проживания, кооптации новых членов (в том числе путем организации и проведения культурно-массовых мероприятий); творческой самореализации отдельных представителей диаспоры; изучения языка (использованию этнической песни в учебных целях на языковых курсах); инициации в язык и культуру новых носителей чувашского и марийского. В работе также определяется роль этнической песни в ревитализации языка.*

***Ключевые слова:** социолингвистическое обследование, внутренняя диаспора, этнический язык, чувашский язык, марийский язык, этническая идентичность, этническая культура.*

“THE SONG HELPS US TO BUILD AND TO LIVE”: THE ROLE AND FUNCTIONS OF THE ETHNIC SONG IN MOSCOW CHUVASH AND MARI DIASPORIC GROUPS

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

***Abstract:** the paper studies the role and functions of songs in an ethnic language in the life of representatives of the internal diaspora. The article is based on the results of sociolinguistic surveys conducted in Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region in 2014–2017 and 2019–2021, respectively. The researcher employed the following sociolinguistic methods: direct observation, participant observation, structured interviews of respondents, documentary recording of responses, statistical data analysis. One of the blocks in the sociolinguistic questionnaire included such aspects as the language – in – culture and ethnic culture maintenance in the context of the vitality of ethnic language. Ethnic culture, along with the ethnic language, is one of the key markers of ethnic identity in both samples. As the results of the survey demonstrate, songs in Mari or Chuvash occupy a significant place in the respondents’ life. Several functions of the ethnic song were identified: adaptation to new living conditions; co-optation of new members (i. e., through cultural ethnic events); creative self-realization; language learning (i. e., ethnic songs used for educational purposes in language courses); initiation into language and culture for new speakers of Chuvash and Mari. The role of ethnic song in the revitalization of the language has been equally determined.*

***Keywords:** sociolinguistic survey, internal diaspora, ethnic language, Chuvash language, Mari language, ethnic identity, ethnic culture.*

Введение

Настоящая работа посвящена рассмотрению роли и функций песни на этническом языке в жизни представителей внутренней диаспоры на примере московских чувашей и марийцев.

Язык и культура глубоко переплетены [Grenoble, 2021, с. 16]. Язык и этнокультура «выросли вместе», сонастроены друг на друга. Язык, который традиционно ассоциируется с конкретной культурой, наилучшим образом приспособлен к выражению ее ценностей – при условии, что связь между ними не прервана и не нарушена. Кроме того, язык и этнокультура являются олицетворением друг друга в сознании членов группы. Наконец, элементы культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура ассоциируется самым тесным образом. Значительная часть любой культуры выражается вербально, в том числе и в песнях, язык охватывает практически всю нематериальную культуру [Fishman, 1991, с. 20–24]. В 2003 г. устные традиции и формы выражения, исполнительские искусства и др. были признаны ЮНЕСКО

в качестве проявлений нематериального культурного наследия. Язык, как подчеркивается в Конвенции ЮНЕСКО, является носителем нематериального культурного наследия¹, составляя его основу и ключевое средство его передачи. Несмотря на то, что многие виды искусства, например, танец, живопись, скульптура, архитектура, предназначены для эстетического удовольствия, без лингвистического «вмешательства», практически все художественные начинания в определенной степени для своего осмысления опираются на язык [Llanes Ortiz, 2021, с. 273].

Песня на чувашском или марийском языке сопровождает респондентов всю жизнь: «Чувашию называют краем ста тысяч песен, это тем более удивительно, что в музыкальном ладе всего пять нот, а количество песен огромное» (Ч., I, № 18, м., 63)² (об этом см.: Кондратьев, 2012, с. 50–56). Отмечается, что песня всегда была излюбленным жанром марийского фольклора³, ладовой основой марийской народной песни также является пентатоника – звуковая система, основанная на пятиступенном ладовом звукоряде [Мушкина, 2013, с. 346] (о некоторых чувашско-марийских музыкальных параллелях см.: Кондратьев, 2018, с. 348–374). Многие участники опроса являлись в прошлом, особенно в детском и подростковом возрасте, членами творческих коллективов на малой родине: «Марийцы, они такие – все творческие. С кем ни встретишься – этот умеет петь, этот умеет танцевать. Этот играет на каком-то музыкальном инструменте» (М., I, № 16, м., 47).

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате социолингвистических обследований, проведенных автором в московском регионе (в г. Москве и Московской области) в чувашской диаспоре в 2014–2017 гг. и марийской – в 2019–2021 гг. соответственно и посвященных выявлению и описанию функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры.

Обе выборки (сто человек в чувашском обследовании и 106 человек в марийском) являются репрезентативными и включили представителей как первого, так и второго поколений диаспоры.

В обследовании использовался комплекс социолингвистических методов, включающий непосредственное и включенное наблюдение, структурированное интервью, документальную фиксацию ответов, статистический анализ данных.

Один из блоков социолингвистической анкеты касался вопросов, связанных с бытованием языка в культуре, а также проблемы поддержания этнической культуры во внутренней диаспоре в контексте витальности этнического языка.

Результаты исследования и их обсуждение

¹ Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Текст : электронный. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения : 22.09.2023).

² Здесь и далее в скобках приводится указание на обследование (принятые сокращения: Ч. – чувашское, М. – марийское), номер анкеты респондента, поколение в выборке (принятые сокращения: I – первое, II – второе), пол респондента, его возраст.

³ Песни луговых мари: свод марийского фольклора. Часть 1 : обрядовые песни / составитель Н. В. Мушкина. Йошкар-Ола, 2011. С. 5.

Участники чувашского и марийского обследований идентифицируют себя в качестве этнических чувашей и марийцев. Ключевыми маркерами этнической идентичности, кроме малой родины, в выборках являются также язык (чувашский язык – 24 процента, марийский язык – 26 процентов) и культура (знание традиций и обычаев чувашского народа – 13 процентов, марийского – 15 процентов). Заметную роль в жизни большинства московских марийцев и чувашей, независимо от признания ими культурного компонента в качестве базового маркера этнической идентичности, играет песня: в выборках 70,5 процентов чувашей и 96 процентов марийцев слушают или поют песни в том числе и на этническом языке [Куцаева, Проблема, 2023, с. 160]: «Мне нравится иногда музыка, мне нравятся иногда песня и слова. Слова, которые ... ну, больше нигде не сказаны так!» (М., № 48, I, ж., 51); «А когда послушаешь, какая-то наполненность, в них есть именно кодировка энергетическая» (М., № 82, I, ж., 32).

Рассмотрим основные функции, закрепленные за песней на этническом языке в чувашской и марийской диаспорах московского региона: адаптацию, кооптацию, творческую самореализацию, ревитализацию, изучение языка, инициацию в язык и культуру.

Адаптация. По свидетельству респондентов, острая тяга именно к песне на своем языке возникает спустя некоторое время после переезда. В этот период некоторые члены диаспоры всерьез начинают интересоваться песней на этническом языке, что является выражением тоски по малой родине: «Это тоска возникла после переезда. А в Чебоксарах я когда жил, такой тоски не было» (Ч., I, № 100, м., 30). Так, 41 процент марийцев при прослушивании этнических песен испытывает ностальгию, 39 процентов пребывают в разном состоянии – и меланхоличном, и приподнятом [Куцаева, Этническая, (1), 2020, с. 27]. Этническая песня, таким образом, помогает респондентам адаптироваться к новым условиям жизни, приспособиться к ритму мегаполиса и при этом не потерять связь с корнями и малой родиной: «Послушала песню – и я успокоилась. Я понимаю, что будет время – и мы поедem. Таким вот образом» (М., I, № 54, ж., 27).

«Свои» песни респонденты в обеих выборках слушают дома во время отдыха, уборки, приготовления пищи или выполнения мелкого ремонта, по дороге на работу, в кафе или спортзал, в салоне автомобиля, собираясь по праздникам с друзьями и родственниками в небольшом кругу или на застольях, на природе – в лесу или на даче. Использование современных технологий (скачивание музыкальных композиций в смартфоны, прослушивание композиций на специальных сайтах или в социальных сетях) позволяет оставаться на связи с этнической песней на протяжении всей жизни. И в этом отношении необходимо сделать два существенных замечания. Во-первых, как было указано нами ранее [Куцаева, Функционирование, 2020, с. 141], представители старших когорт в выборке имели возможность окунуться в песню на чувашском, собираясь на застолья по приезду гостей, чаще всего родственников и друзей с малой родины, и соответственно песни угасали с уходом из жизни близких людей: «Петь стало не с кем, забыла песни», – заявила одна из самых пожилых респонденток в чувашской выборке. В настоящее время, однако, спектр ситуаций, в которых можно соприкос-

нуться с песней на этническом языке значительно расширился и контакт с песенной культурой можно поддерживать в любом возрасте и даже наедине. Во-вторых, обратим внимание на данные, указанные во вводной части раздела. Несмотря на практически схожие результаты в обеих выборках относительно такого критерия, как «культура» и в целом признания ценности песни на этническом языке, лишь 70,5 процентов чувашей слушают или поют песни на чувашском (для ср.: в марийской выборке 96 процентов). С нашей точки зрения это объясняется тем, что в период проведения чувашского обследования в 2014–2017 гг. новые технологии были не столь доступны представителям старших когорт в выборке, в частности, пожилые опрошенные полагались на помощь детей или внуков (купить диск, скачать приложение, оказать помощь при прослушивании и пр.), тогда как в марийской выборке (опрос проводился в 2019–2021 гг.) все пожилые респонденты имели смартфоны и сами умели обращаться с новыми технологиями.

Многие респонденты следят не только за новинками музыкальной эстрады, но и за творчеством народных любительских коллективов на родине, членами которых когда-то являлись сами или являются ныне их односельчане. Наконец, песни, знакомые с детства, напоминают респондентам о родителях, бабушке, любимых местах на родине и своей деревне. Этническая песня, как видим, имеет умиротворяющее воздействие, поддерживает опрошенных в трудную минуту, помогает обрести твердую почву под ногами, сохранить прочную связь с малой родиной, с предками.

Кооптация. Без песни едва ли обходится современный чувашский и марийский праздник или торжество (подробнее о современной празднично-обрядовой культуре чувашей и марийцев см.: Ягафова, 2017; Калинина, 2011). Ежегодно усилиями землячеств Москвы проводятся чувашский *Акатуй* и марийский *Пеледыш пайрем*. Праздничные мероприятия привлекают активных членов диаспоры, а также тех, кто в силу обстоятельств ведут достаточно замкнутый образ жизни в московском регионе, но, тем не менее, обязательно посещают праздник в столице. На мероприятиях представлены звезды современной чувашской и марийской эстрады, в программу включаются выступления известных в республиках творческих коллективов. Праздники становятся, безусловно, яркими событиями в культурной жизни московских чувашей и мари, позволяют участникам получить эмоциональную разрядку, поддержать и укрепить свое этническое единство в полилингвальном и поликультурном пространстве Москвы. Кроме того, члены диаспоры регулярно встречаются сравнительно небольшими группами по инициативе частных лиц: устраиваются марийские вечера «Марий кас» с традиционными посиделками и песнями под гармошку. На гастроли в Москву приезжают творческие коллективы из Чувашии и Марий Эл.

Заметными событиями на протяжении ряда лет были чувашские и марийские дискотеки в Москве, которые проводились по инициативе молодых членов диаспоры. Приведенные ниже отрывки из интервью с организаторами, участниками наших обследований, помогут составить представление о мотивах и движущих силах в решении проводить такого рода мероприятия, а также о некоторых результатах, часто приятных: «Моя жизнь сейчас тесно связана с песней! Я в школе

еще была активистом на школьных мероприятиях. Потом, когда переехала на учебу в Чебоксары, это немножко поутихло, потому что учеба. Я жила у родственников, я была скованнее среди своих однокурсников. Потом уже приехала в Москву, жизнь получилась работа – дом, работа – дом. В какой-то момент это надоело, захотелось жить полной жизнью!» (Ч., I, № 63, ж., 38); «Так как я очень долгое время жила в Москве, мне не хватало на самом деле своего родного языка. Это вот... что-то потом вспоминаешь: что-то не хватает своего. Бывает такое. Поэтому я пыталась раз в год приезжать на свою родную землю, устраивать там марийские дискотеки, марийские вечеринки, познакомилась с марийской эстрадой. Я знакомилась с ними, я их приглашала, бесплатно устраивала именно своим сельчанам концерты, дискотеки. А потом мне этого не хватало в Москве, так как я понимала, что я уже живу в Москве, я уже укоренилась, большую жизнь живу в Москве, нежели там. Я решила, что ... ну а если... И все это воплотила в Москве!» (М., I, № 15, ж., 33); «Для меня сначала это было хобби, я больно-то не думала о том, что я делаю, просто собираемся, веселимся под чувашскую музыку, приглашаем артистов, разговариваем на чувашском языке. Помимо этих вечеринок, мы потом собирались и выезжали на шашлыки, в машине включали чувашскую музыку. А сейчас по истечении времени, когда люди стали говорить: “Какое хорошее дело делаете, сплавиваете чувашей, земляков!”. И самое главное, мы за шесть лет – мы уже счет потеряли – более пятидесяти пар поженились! Они приходили на дискотеки, познакомились, подружились. Раньше мы каждую пару знали, у них дети уже, у них по второму ребенку. Когда я в Чебоксарах жила, я даже не увлекалась чувашской эстрадой, мне было это как-то параллельно. Но когда приехала в Москву, тоска какая-то появилась, не хватает чего-то. Это у всех. Именно приходят к нам те люди, у которых тоска. Не у всех тоска есть, другие как-то живут. Но к нам и мужчины, которые на русских женаты, тоже приходят. Также с тоской» (Ч., I, № 63, ж., 38).

В рамках дискотек участниками активно использовались наряду с русским и этнические языки. Ценно, что мероприятия посещали как уроженцы сельской местности, активно владеющие языком, так и выходцы из крупных населенных пунктов, имеющие как правило пассивные знания языка. При этом, кажется, под влиянием активных билингвов говорить на своем языке решались и пассивно владеющие языком: «Иногда ведь на дискотеке, если нужно кому-то вставить, то мы чувашском мы вставляем. Если ведь на русском начнешь, будет: “А ты чего на русском разговариваешь?” – мне так говорят. Или вот там девушки между собой разговаривают: “А ты что на русском разговариваешь? Давайте на чувашском!”. То есть у нас на дискотеках есть молодежь, которая выросла в Чебоксарах, в районном центре, разговаривали всегда на русском, а здесь они, может быть, какие-то слова они стесняются говорить, но говорят на чувашском у нас! То есть это те люди, которые выросли в городе и по-чувашски говорили только у бабушки в деревне, но мы всех приучаем!» (Ч., I, № 63, ж., 38).

В 2019 г. был создан ансамбль «Мари сем Москва», музыкальный коллектив объединил тогда пятнадцать молодых луговых марийцев, проживающих в московском регионе, в ансамбле имелся хореограф и гармонист. Состоялся ряд вы-

ступлений ансамбля в рамках марийских дискотек в Москве: «Каждое воскресенье мы там танцуем и поем. То есть отдушина у нас сейчас большая с ноября месяца. Мы, как только все собрались, сначала распеваемся немножко и начинаем петь песни, которые нам музыкант предложила. То есть они уже в наш репертуар входят. Мы начинаем пропевать все песни, частушки. А потом у нас есть частушки с танцами, уже прямо постановочные. Мы это репетируем. Потом у нас рождается танец. Если кому еще какие песни нравятся, то мы пропеваем. Допустим, если всему коллективу понравилась определенная песня, все мы решаем, что мы ее поем. Мы ее включаем. У нас потихонечку, три-четыре номера пока. Кто-то у нас любители, кто-то, как моя подруга, с детства занимался, она всегда пела. В ближайшее время у нас будет дискотека, и мы хотим на этой дискотеке, насколько я понимаю, со слов организаторов, выйти с этими номерами. Заявить о себе. С приподнятым настроением ухожу с репетиций. Как-то вот, знаете, за неделю работы все равно в каком-то напряжении находишься, а это вот как-то настолько отвлекает, настолько душу переворачивает! Что окрыленная, с таким настроением ты готов к новой рабочей неделе, позабыв о старой неделе. До понедельника. И тут уже – все, душа пошла плясать и петь!» (М., I, № 14, ж., 33).

В настоящее время в культурном пространстве столицы действует всемарийский хор «Моско мари» («Московские мари»), объединивший представителей трех субэтнических групп: горных, луговых, восточных. Хор был создан совсем недавно, однако уже были записаны несколько синглов, размещенных на 125 стриминговых площадках, и состоялось его участие в рамках программы «Пеледыш пайрем – 2023».

Упомянем и нередкие случаи знакомств членов диаспоры в Москве, связанные с этномузыкальным сопровождением: «У нас в Балашихе мы нашли соседей, они чувашки. У нас там вообще очень много чувашей! Мы вот на Новый год вышли на улицу с гармонью и пели чувашские песни, и нашли еще других чувашей так. Они пришли на звук гармони, чувашских песен. Пришли, познакомились!» (Ч., I, № 63, ж., 38).

Как видим, бесспорна роль этнических песен в сплочении московских чувашей и марийцев и привлечении новых членов диаспоры, лишь недавно переселившихся в московский регион и испытывающих дефицит общения на чувашском или марийском: «Мы же за столько километров! За семьсот километров где-то здесь в большом городе смогли найти друг друга, вместе мы общаемся, собираемся, семьи заводим, друзья тут друг другу помогают, поддерживают. Один работает в грузоперевозках, другой – агент по жилью, они друг другу помогают. И вот то, что я делаю с дискотеками, пусть это небольшой, но вклад» (Ч., I, № 63, ж., 38).

Творческая самореализация. Как было указано в нашей работе «Этническая музыкальная культура московских мари» [Куцаева, Этническая, 1, 2020, с. 27], 25 процентов опрошенных отдают предпочтение старинным народным песням, 21 процент – современным. По мнению одних, «старинные песни берут за душу, они более певучие. Мне нравится мелодия, что ли, гармошка. Это мелодичные песни. А вот современные – я даже не слышу слов, о чем они поют. Это преобладание шума. И он заглушает смысл» (М., I, № 63, ж., 44). Другие считают, что

«старинные – уж очень грустные! Старинные – в основном, такие вот... протяжные, про долю несчастную. В основном!» (М., I, № 40, ж., 48).

Более половины участников марийского опроса (54 процента) слушают и старинные, и современные марийские песни: «Современные я больше, наверное, слушаю. Но, кстати, и старинные люблю слушать. Потому что старинные, получается, когда я маленькая была, эти старинные песни – я выросла в них и слова знаю» (М., I, № 57, ж., 38). Детальные сведения относительно музыкальных пристрастий респондентов приведены в качестве преамбулы к такому важному аспекту, как творческая самореализация на этническом языке в контексте сохранности миноритарного языка в диаспорной среде.

Надо сказать, что проживание вдали о малой родины и сопутствующая ностальгия, случается, способствуют зарождению у респондентов творческой жилки: так, несколько участников в марийском обследовании, пассивно владеющие языком, с переездом в Москву неожиданно стали сочинять песни в стиле рэп, один из них является автором первого рэп-альбома на марийском языке. Другая участница опроса, профессиональный музыкант, имеет солидный репертуар песен на горномарийском языке: «И много задумок есть, в джазовом варианте обработок. И вот все народные песни я немножко порчу в джазовой манере (смеется. – М. К.). Марийцы плюются, конечно. Они считают, что я что-то там оскверняю! Но не все, конечно! Думаю выпустить альбом авторских песен. Мне хочется организовать свой сольный концерт, людям показать, что такое марийский джаз, что вообще может наша великая пентатоника» (М., I, № 36, ж., 27).

Некоторое время на базе одной из социальных сетей функционировал проект «Караоке кас», объединивший марийцев из разных уголков страны. Согласно замыслу ведущей, участником прямого эфира мог стать любой желающий, необходимо было рассказать о себе, выступить с исполнением своей любимой песни на марийском. Общение ведущей и участников эфира проходило на марийском языке. Регулярные пятничные эфиры собирали большую аудиторию и пользовались популярностью. Вместе с тем, как стало известно автору материалов, эфиры вызвали некоторое недовольство у части аудитории, полагающей, что уровень владения марийским языком у ведущей и некоторых участников был недостаточным, а марийский язык – *нелитературным, нечистым, неправильным*.

О языковом пуризме, то есть стремлении, как правило, представителей более старшего поколения, обозначить чистый, правильный, аутентичный способ употребления языка и тем самым предъявить свое право на *обладание* языком [Sallabank, King, 2021, с. 42], характерном в том числе и для некоторых представителей внутренней диаспоры, мы писали в работе «Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре» [Куцаева, Новые, 2021, с. 25–26]. Межпоколенческая передача марийского и чувашского в диаспорной среде Москвы крайне слабая (об этом см., в частности: Куцаева 2022; Куцаева, Функционирование, 2020, с. 169–171). Будучи государственными языками в соответствующих республиках, эти языки становятся миноритарными в московском регионе; однако осознание ценности языка респондентами, кажется, повышается, и вопрос ревитализации языка в диаспоре во втором поколении все чаще выносится на повестку дня. Определенное препятствие на пути ревитализации

языка представляет пуризм, «страшащийся изменений и склонный видеть в каждом изменении упадок и разрушение» [Edwards, 2009, с. 259], «непреклонный, осуждающий, худший сценарий для выживания любого языка» [Crystal, 2000, с. 117–126]. Пуризм является мощной преградой для так называемых новых носителей миноритарных языков [Куцаева, Новые, 2021, с. 33–34].

Вместе с тем искусство – важный способ повышения самооценки посредством участия в театрализованных представлениях, конкурсах поэтического чтения, музыкальных и иных культурных мероприятиях. При этом необходимо охватить все слои общества: в ситуации с миноритарными языками не остается места элитарности и требуется нацеленность на инклюзивность, чтобы обеспечить интересы всех членов языкового сообщества [Crystal, 2000, с. 113].

В отношении марийской диаспоры скажем, что конкретно в период проведения социолингвистического обследования в культурном поле московского региона действовали несколько проектов, рассчитанных на разные фокус-группы: 1) традиционные вечерние посиделки «Марий кас» с участием более пожилых членов диаспоры; 2) марийские дискотеки, привлекающие лиц среднего возраста и молодых людей старше 20 лет (впрочем, нередко среди гостей, по словам организаторов, можно было встретить и лиц старше 55 лет); 3) культурный проект «Моско марий тўвыра рўдер» («Центр притяжения марийской культуры в г. Москве»), фокус-группой которого были в том числе дети и пожилые члены диаспоры [Куцаева, Этническая, (2), 2020, с. 13].

О том, что неохваченным остается подростковый возраст мы отмечали в работе «Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона» [Куцаева, Раннее, 2021, с. 53–54]. Проблема заключается в том, что подростки, которые принимают активное участие в культурных мероприятиях на этническом языке, вероятнее всего сохраняют позитивное отношение и к языку. В случае, когда язык теряется в подростковом возрасте, он может быть утрачен навсегда [Baker, 1992, с. 136–137].

В ходе обследования выяснилось, что респонденты имеют довольно четкие предпочтения, и, несмотря на убежденность некоторых из них в том, что нужно во что бы то ни стало объединить эти инициативы в один проект, удовлетворяющий вкусам всех участников, идея кажется едва ли исполнимой и даже желанной. Разнообразие проектов свидетельствует прежде всего о жизнеспособности марийской культуры в пространстве московского региона, о живой традиции, дающей жизнь новым культурным формам. В самом деле, культурные мероприятия, имеющие давнюю сложившуюся историю и продвигающие в своих рамках определенные виды искусства, могут показаться старомодными и чрезмерно местечковыми для молодых членов сообщества, тогда как современные виды искусства могут быть вовсе не приняты старшим поколением, поскольку расходятся с традициями. Без взаимного интереса и толерантности языковое сообщество будет подвержено внутренним конфликтам, и энергия, которую можно было бы направить в общее русло, будет попусту растрачиваться [Crystal, 2000, с. 113].

Исследователи миноритарных языков сходятся во мнении: языковое сообщество должно иметь четкое представление о том, что язык неизбежно меняется, с

тем чтобы отвечать потребностям и интересам молодежи. Слишком жесткая критика со стороны пожилых носителей заставляет молодежь полностью отказаться от употребления этнического языка. Более продуктивным представляется вариант побуждения молодых членов сообщества к использованию языка в любой форме. Нужно помнить, что молодые говорящие на языке являются будущим языка. Если язык выживет, он будет принадлежать им [Sallabank, King, 2021, с. 41–43]. Это же в полной мере относится не только к собственно коммуникации новых носителей на этническом языке, но и творческой самореализации молодых членов диаспоры. В социокультурной перспективе новые жанры, такие как хип-хоп, рэп и др. являются важными для молодого поколения жанрами, позволяющими им выразить свое мнение и употребить язык творчески [Moriarty, 2021, с. 457].

Ревитализация языка. Музыкальное и песенное исполнение, скомбинированные самым неожиданным образом, могут способствовать ревитализации миноритарного языка и привлечь новую аудиторию посредством перевода старых традиций в новые жанры и благодаря использованию новых музыкальных технологий. Языковые активисты применяют инновационные методы в использовании песенных и литературных традиций. Это чрезвычайно важная стратегия ревитализации языка, которую, впрочем, часто недооценивают, однако язык становится видимым, он присутствует не только в повседневной жизни, но и в более широком общественном пространстве [Llanes Ortiz, 2021, с. 277–278]. Присутствие языка, к примеру, в поп-культуре будет иметь положительное воздействие на языковые идеологии его носителей, особенно молодого поколения (подробнее о языковых идеологиях в чувашской и марийской диаспорах московского региона см.: Куцаева, На деревню, 2023, с. 68). Исследователи подчеркивают бесспорное значение музыки в качестве стратегического инструмента в сфере поддержания локальных культур – и не только в русле традиционных жанров. Так, популярная музыка на миноритарном языке выступает связующим звеном между традицией и современностью. Современные музыкальные жанры могут получить местную прописку благодаря использованию традиционных музыкальных инструментов и местных языков, дают возможность молодым проявить творческий инновационный подход. С точки зрения социолингвистики, присутствие миноритарного языка в нескольких музыкальных жанрах позволяет исследователю составить представление о ценности языка в данном языковом сообществе [Moriarty, 2021, с. 456].

Изучение языка. В ходе чувашского обследования автор посетил занятия на курсах чувашского языка, неотъемлемой частью учебного процесса было прослушивание и исполнение песен на чувашском языке: «Здесь на курсах мы тоже поем, на чувашском. Смысл этих песен мне понятен, мы же еще их разбираем! Когда смысл понимаешь, там ведь такой смысл спрятан в этих песнях – там здорово!» (Ч., I, № 44, м., 49); «В основном сейчас я слушаю на чувашском языке. С учетом того, что песенное творчество – оно достаточно сложное для перевода, то понимаю отдельные фразы и отдельные предложения. Все полностью я не понимаю. Но курсы мне помогают» (Ч., I, № 16, м., 44). Известно, что слушатели курсов разучивали песни на чувашском и с успехом выступали на культурных

мероприятиях, организованных при полпредстве Чувашской Республики в Москве.

В течение нескольких учебных лет в Москве функционировали курсы марийского языка, по словам педагога, песни также были важной составляющей частью учебной деятельности: «Мы и спектакли ставили на марийском языке. Праздники свои показывали. Марийскую кухню показывали прямо там же, в поликультурном центре. Песни пели тоже на марийском языке. Потом танцы тоже ставили, там сцена была. Много чего делали. Участвовали в различных мероприятиях города Москвы, нас приглашали. Мы и в Доме музыки выступали. Потом мы в концертный зал «Россия». Очень много было мероприятий!» (М., I, № 57, ж., 38).

Более того, исполнители песен на марийском языке, принявшие участие в марийском обследовании, по их признанию, благодаря своей творческой деятельности (записи песен, выступлению и гастролям) заметно улучшили свой уровень владения этническим языком: «В Москве я сначала записал песню, с удмуртского переведенную. Потом что-то пошло-поехало и сам начал песни писать на марийском. Ну, в основном с моей стороны это идея, музыка, аранжировка. Текст я обычно заказываю профессиональному поэту. В основном понимаю, но есть такие слова, литературные, которые в первый раз слышу. И вот поэтому в процессе, когда начинаю эти песни петь, то есть получается, я пою с 2012–2013 года. Поэтому в процессе пения, концертов, гастролей у меня язык более-менее подучился. У меня постоянные концерты, на “Марий Эл радио” песни крутятся, я бывал на радио, даже в прямом эфире разговаривал» (М., I, № 51, м., 29).

Таким образом, музыка может выполнять и педагогическую функцию, обеспечивая педагогов более релевантными источниками, нежели формализованные тексты учебников. Как и в случае с аудиовизуальными медиа, большое преимущество музыки заключается в том, что различные уровни владения языком не препятствуют тому, чтобы учащиеся принимали участие в исполнении и получали наслаждение [Moriarty, 2021, с. 456].

Инициация. Ряд респондентов в выборке, в прошлом – городские дети, посещавшие деревню на летних каникулах и имевшие, в силу распространенных в обществе языковых идеологий («в городе – по-русски, в деревне – по-чувашски (по-марийски)»), минимальный контакт с этническим языком, спустя годы почувствовали тягу к чувашскому (марийскому). И своеобразным проводником выступила для них песня на чувашском или марийском языке: «Я не знаю песен на чувашском. Но, правда, когда вот я стала постарше, мне что-то вот так захотелось изучить. Я даже помнится, две песни изучила на чувашском. Но естественно, я изучала это по магнитофонной ленте, половину не понимала. Чего-то там спрашивала у мамы. Мама там... уже тоже половины не понимала. Но чего-то мы там изучили, и я даже могла спеть! Вот, кстати, у бабушки с дедушкой, я помню, вот когда они юбилеи справляли и гостей звали – много же гостей приезжает и из деревень приезжают. Они пели песни. И там были очень интересные песни, особенно такие тягучие какие-то. Особенно когда люди провожают, там есть специальные песни. Очень интересные – мне они нравились. Но знать я их не знала, к сожалению! Но вот в какой-то момент захотелось выучить. Две выучила» (Ч., I,

№ 21, ж., 55). Это же касается и тех участников опроса, которые выросли вдали от малой родины ввиду миграций с родителями в другой регион в детстве: «В моей жизни есть место для песни на марийском. У меня даже лежат тексты, которые я время от времени начинаю учить. В деревнях у нас есть песни, которые мы поем постоянно. Тетки мои мне говорят, о чем этот текст. Эти песни – их пел хотя бы мой прадедушка. И моя большая мечта – все мои тетки знают песни на марийском языке, и когда мы собираемся, они все очень хорошо поют. И они поют в том числе песни на марийском. И я хочу эти песни выучить, чтобы они у меня остались... как бы чтобы я сохраняла эти песни. Я хочу участвовать именно в этих песнях на марийском языке. У нас бытуют некоторые песни, пускай, их десять-пятнадцать, и они относятся именно к нашему региону. Эти песни, они меня интересуют... для того, чтобы сохранить эту культуру в себе» (М., I, № 50, ж., 53).

Этнические песни используются представителями первого поколения диаспоры, которые воспитывают в московском регионе детей младшего дошкольного возраста: «И даже детям иногда включаем песни марийские. Для интереса! Что там малышам-то надо – потопать, по полу пятками постучать! Ну да... надо же, чтобы закладывался мотивчик в голове. Якорек!» (М., I, № 59, м., 41).

Этническая песня является каналом самостоятельного приобщения к культуре для представителей второго поколения диаспоры более старшего возраста: «Изучаю песни. Пока приобщаюсь к языку, а через язык – к культуре» (Ч., II, № 45, м., 26). Это относится, с одной стороны, и к традиционным этническим песням, в которых, по словам опрошенных, активно владеющих языком, сокрыта «сумасшедшая глубина»: «Когда я пою чувашские песни, у меня такие мурашки идут по телу! И мурашки в том смысле, что осознание философии народа приходит через фольклор. Да, и песни эти... о скоротечности жизни, что мы все тленны, но дела наши нетленны. Имя наше нетленно. Вот очень часто используется. Вот, допустим, водица-то – она льется, чистейшая, водица льется, а вот камни тяжелые остаются. Дни-то наши, как и водица, уходят, а вот дела остаются как камень. То есть, мы-то уйдем, а имя наше останется» (Ч., I, № 17, м. 32). Другим источником приобщения к языку являются и современные песни, о чем мы указывали в разделах выше.

Сила языка заключается в том, что он дает доступ к знаниям, и некоторые виды информации могут быть получены исключительно посредством языка. Ревитализация языка касается не только самого языка, она состоит в том, чтобы получить доступ к различным способам жизни и бытия, обрести связь с культурой и миром [Grenoble, 2021, с. 17].

Заключение

Как показали результаты социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона, песня на этническом языке, независимо от ее жанровой принадлежности, играет значительную роль в жизни представителей внутренней диаспоры. Своя песня способствует адаптации членов диаспоры к новым условиям жизни после переезда часто из небольшого населенного пункта в республике и погружения в динамичную и не всегда принимающую

щую среду мегаполиса. Песня сближает членов внутренней диаспоры, привносит в их жизнь чувство родства и принадлежности к своей группе. Кроме того, песня на марийском или чувашском языке побуждает некоторых членов диаспоры к творческой самореализации. Песня является креативным способом изучения этнического языка для тех респондентов, которые по ряду причин слабо владеют им. Песни привлекаются в качестве вспомогательного материала на языковых курсах. Наконец, песни служат проводником не только в язык, но и в этническую культуру. И в этом отношении значительна роль песни на чувашском или марийском в сфере поддержания этнической культуры и языка и при необходимости, особенно во втором поколении диаспоры, ревитализации языка.

Языковые активисты во всем мире успешно возрождают как традиционные музыкальные жанры, так и экспериментируют с новыми формами, музыка является стратегическим способом ревитализации языка [Llanes Ortiz, 2021, с. 273], ввиду чего, как предполагается, возможна адаптация традиционных жанров, а также создание гибридных эстетических форм для молодого поколения [Llanes Ortiz, 2021, с. 281]. Кроме того, в научных кругах [Grant, 2018, с. 241] назрел вопрос междисциплинарного сотрудничества между специалистами в области лингвистики и этномузыкологии в целях создания и расширения общей теоретической базы, решения практических задач в области языковой и музыкальной ревитализации. Текущие исследовательские работы посвящены в том числе изучению прямой зависимости между жизнеспособностью языков и музыкальных жанров, роли музыки в языковой ревитализации в отдельных регионах мира. В свою очередь усилия по поддержанию языка благотворно влияют на витальность музыкальных жанров и других форм нематериального культурного наследия: принимая во внимание, что язык, как правило, является основой культурных экосистем, полное функционирование музыкальных и других культурных форм может быть диагностировано исходя из данных о состоянии витальности языка [Grant, 2018, с. 236].

В данной статье были затронуты лишь самые общие места, которые еще ждут своего исследователя. Автор выражает надежду, что в свое время эти вопросы получат должное освещение в том числе и в работах коллег по смежным дисциплинам.

Список литературы

1. Калинина О. А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2011. С. 158–163.
2. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. 447 с. EDN: VXQEJG
3. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. Москва : Пер Сэ, 2012. 288 с. EDN: RAYXPZ

4. Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44. DOI: 10.51254/2312-0312_2022_63_03 EDN: NJNNRW
5. Куцаева М. В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 2. С. 65–78. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-65-78 EDN: LAYKSX
6. Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. 2021. № 2. С. 5–34.
7. Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 158–165. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_158 EDN: ONIGEY
8. Куцаева М. В. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3. С. 49–58. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-49-58 EDN: OOUEYF
9. Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История. 2020. 312 с.
10. Куцаева М. В. Этническая музыкальная культура московских мари. (1) // Этническая культура. 2020. № 2. С. 24–30. DOI: 10.31483/r-75842 EDN: GFVZGT
11. Куцаева М. В. Этническая музыкальная культура московских мари. (2) // Этническая культура. 2020. № 3. С. 11–18. DOI: 10.31483/r-75887 EDN: LUUFBY
12. Мушкина Н. В. Музыкальный фольклор // Марийцы : историко-этнографические очерки. 2-е издание, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 341–354.
13. Ягафова Е. А. Современная празднично-обрядовая культура // Чуваши : сборник. Москва, 2017. С. 470–487.
14. Baker C. Attitudes and language. Clevedon : Multilingual Matters, 1992. 173 p.
15. Crystal D. Language death. Cambridge : Cambridge University press, 2000. 198 p.
16. Edwards J. Language and identity. Cambridge : Cambridge University press, 2009. 314 p.
17. Fishman J. A. Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages : multilingual matters. Clevedon, 1991. 431 p.
18. Grant C. A case for greater interdisciplinary collaboration in language and music revitalization // The Routledge Handbook of Language Revitalization. New York ; London : Routledge, 2018. P. 236–244.
19. Grenoble L. A. Why Revitalize? Introduction // Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 9–22.

20. Llanes Ortiz G. Art, music and cultural activities // *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 273–283.

21. Moriarty M. New roles for endangered languages // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 446–458.

22. Sallabank J. &, King J. What do we Revitalize? Introduction // *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*. Cambridge : Cambridge University press, 2021. P. 33–45.

References

1. Kalinina, O. A. (2011). Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariitsev. *Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Marii El*, 158-163.

2. Kondrat'ev, M. G. (2018). Chuvashskaia muzyka v zerkale parallelei: k probleme Volgo-Ural'skoi muzykal'noi tsivilizatsii. 447 s. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. EDN: VXQEJG.

3. Kondrat'ev, M. G. (2012). Chuvashskaia muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniia sovremennogo professionalizma. 288 s. Moskva: Per Se. EDN: RAYXPZ.

4. Kutsaeva, M. V. (2022). The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora. *Finno-ugric studies*, 63, 30-44. EDN: NJNNRW. https://doi.org/10.51254/2312-0312_2022_63_03

5. Kutsaeva, M. V. (2023). The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2, 65-78. EDN: LAYKSX. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-2-65-78>

6. Kutsaeva, M. V. (2021). New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. *Rodnoy Yazyk*, 2, 5-34.

7. Kutsaeva, M. V. (2023). The problem of ethnocultural preservation in the internal diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas). *Vestnik of moscow state linguistic university. Humanities*, 2, 158-165. EDN: ONIGEY. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_158

8. Kutsaeva, M. V. (2021). Early ethnic language acquisition in Moscow region mari diaspora. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 3, 49-58. EDN: OOUEYF. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-49-58>

9. Kutsaeva, M. V. Funktsionirovanie etnicheskogo iazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona, 312.

10. Kutsaeva, M. V. (2020). Ethnic musical culture of Moscow Mari (1). *Ethnic Culture*, 2, 24-30. EDN: GFVZGT. <https://doi.org/10.31483/r-75842>

11. Kutsaeva, M. V. (2020). Ethnic musical culture of Moscow Mari (2). *Ethnic Culture*, 3, 11-18. EDN: LUUFBY. <https://doi.org/10.31483/r-75887>

12. Mushkina, N. V. (2013). Muzykal'nyi fol'klor. *Mariitsy : istoriko-etnograficheskie ocherki*, 341-354.

13. Iagafova, E. A. (2017). Sovremennaiia prazdnichno-obriadovaia kul'tura. *Chuvashi : sbornik*, 470-487.

14. Baker, C. (1992). *Attitudes and language*. 173 p. Clevedon: Multilingual Matters.
15. Crystal, D. (2000). *Language death*. 198 p. Cambridge: Cambridge University press.
16. Edwards, J. (2009). *Language and identity*. 314 p. Cambridge: Cambridge University press.
17. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon.
18. Grant, C. (2018). A case for greater interdisciplinary collaboration in language and music revitalization. *The Routledge Handbook of Language Revitalization*, 236-244. York ;.
19. Grenoble, L. A. (2021). Why Revitalize? Introduction. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 9-22.
20. Ortiz, G. (2021). Llanes Art, music and cultural activities. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 273-283.
21. Moriarty, M. (2021). New roles for endangered languages. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, 446-458.
22. Sallabank, J., & King, J. (2021). &, What do we Revitalize? Introduction. *Revitalizing Endangered Languages : A Practical Guide*, 33-45.

